

110

(Колл. №196
Лот №29)

С.Д. Толубаев

Киргизский этнос "Манас"

**ДЛЯ
БУМАГ**

17 / 81 1941 г.

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И
ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ
№ № 410
1952
ВАН СССР

Handwritten initials and scribbles in purple ink.

ТЕТРАДЬ
по учен
..... класса школы
.....
.....

ИНИКЯП
Рукопись № 104
..... 193 г.

Институт языка, литературы
и истории
ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ
Инв. № 110

Киргизы обладают лучшим сокровищем

устного народного творчества: это - героический народный эпос "Манас". Произведение

это называется эпосом, т.е. принадлежит к эпической поэзии поэму, что содержанием ^{излагает} его является повествование - рассказ о событиях (- хотя и псевдоисторических)

Тюркских, в данном случае, т.е. о ^{воинских} событиях, относящихся к жизни и подвигам легендарного

Киргизского хана Манаса (а также ~~уже в средневековой~~ Манасового эпического цикла - и о ^{подвигах} сына хана Манаса - хана Семетея). Народным этот эпос

называется поэму, что он является продуктом коллективного творчества - целой плеяды, целого ряда поколений народных поэтов, или певцов-сказителей

Киргизии, имена которых (за исключением самых последних - современному нам или близких к нам передаликов их творчества) остались для нас неиз-

Жизнь отразилась в поэте — Поэт-эпистолический. ³ Налич.
наименование: народный эпос отсюда

Это ПТЭ означает, однако, что в народных эпосах,
в их создании, фактически принимал участие
весь народ или даже все его социальные слои:

Наоборот, как мы увидим ниже, каждый из
народных эпосов ^{созданный в классовом обществе,} имеет определенную классовую

характеристику. ^{Пример} социальным заказчиком слу-
жила, в виде общего правила, господствующая
классовая группа, а выполнителем ~~или~~ заказа, т.е.
фактически ~~авторы~~, в творчестве своем, ориенти-
ровались именно на вкус и требования той гос-
подствующей ^тсреды, которую они обслуживали, рисуя
ее героев, ее идеалы, воспитывая ее молодые поколе-

ния в нужном для нее духе, внушая молодым
поколениям подражание тем идеальным для данного
класса героям, какими являлись, например, Ахиллес
и Одиссей для царей и военных вождей эпохи анти-
чного (древне-греческого) феодализма, а Мамас и Алмамбет
— для ханов и дружинников киргизской эпохи феодального
феодализма. Итак, наименование народный эпос мы

можем прилагать к произведениям коллективного эпического творчества, — каковы Манас или Ишмада с Одиссеей и т.п. — лишь условно, отнюдь не подводя под слово Народный значения «обще-народный», а говоря о классовом характере этих произведений.

Наконец, из данного нами наименования, или определения: «Манас есть героический народный эпос киргизского народа» — отсюда упомянуть еще о прилагательном героический — от слова герой, конечно. Здесь имеется в виду эпос, рисующий идеальные (с точки зрения данной социальной среды — с точки зрения ханов и дружинников эпохи стигного феодализма — предков манаатского слоя киргизского народа) образы героев войны и завоевания. Не надо забывать, что за эпоха, в которой создавался «Манас» или — в Тренин, например, Ишмада — и за среда, социальный заказ которой воплощался в данных народных эпосах, «желе война», «желе войны» в том смысле, что считали за величайшее воинское и национальное единство — достоинство аристократического класса

са закончим. И вот в ^{дальше} те и последующие века, эпохи, пред-
ставители данных социальных групп находят свой сте-
пенно-героический — для нас уже недоступный, для нас
навсегда утраченный — прямой и непосредственный ин-
терес в подвигах Мемаса, или в подвигах древ-
не-греческого Ахиллеса: эти рассказы о военных
~~героических~~ героях воспринимались тогда самым
серьезным образом, как Наука древности, как То, чему
надо подражать, как Наука, учащая верить и дей-
ствовать, т.е. учащая воевать, побеждать (и и)
и властвовать! ~~Протогероическая~~ Но проходя века,
настают другие социально-экономические
эпохи, и война отодвигается на задний план,
~~и~~ ~~первое место~~ ~~принадлежит~~ ~~уже~~ ~~международной~~
~~торговле~~; как то было в Греции в после-гомеровскую
~~эпоху~~; и вот в эти новые эпохи (героический
Эпос, оказываясь, уже не способен воспринимать-
ся так серьезно — на манер Корана или Евангелия

Мед - как на него смотрели древне-черкесские ^бцари
до-республиканской эпохи, или киргизские ханы
эпохи стейпного феодализма: герои войны перестают
блестать героическим блеском; - отношение
к ним настолько изменяется, что возможно,
оказываясь, уже воспевают их, воспеваемая
Имаду визуку, и действительно пародизуют
его - создавая ~~место~~ взамен Имада, ф.с. эпохи
~~бурных времен~~ легендарной истории войны
чекеров и Троянцев - Комический эпос
: Войну Молмай и Лягушек (Батра-
Хомломахия). ~~Уморил - пародия~~ (уже в новое время)
- "Прекрасная Блестящая Орденибаха..."

xx
x

Чем объясняется то, что именно у киргиз мы
находим - сохранившийся до нашего времени пародийный
героический эпос (хотя и в чужих последнем уже из по-
колений "манасчи", т.е. скажутел "Манаса")?

Неосомненно, что героический эпос может

создаётся в любом народе, но при наших ⁷опреде-
ленных условиях, и главное — в определённую соци-
ально-историческую эпоху — в эпоху разложения родово-
го строя и раннего феодализма. Карл Маркс
в своей "Критике политической экономии" со-
вершенно точно ~~говорит об этом, ~~ещё~~ указывая~~
что народный героический этос (Карл Маркс в ка-
честве образца его имел в виду, конечно, не Карла
"Монаха", а древне-германскую Ишаду с Одас-
сей) может создаваться только на низкой
ступени развития материальной культуры.
Далее, когда наступают новые соци-
ально-экономические формы — новое содержание
материальной культуры, когда на сцену
приходит новый господствующий класс
(и изменяется, следовательно, также и соци-
альный заказ господствующего класса м-
тературному творчеству), — героический
этос, как законный, неизбежно и обязательно

и умирает

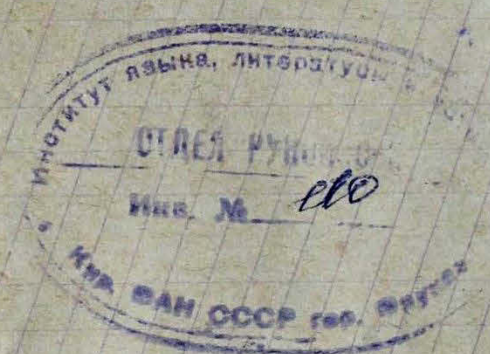
Умирает, ^{и умирает} в месте с той профессией певцов, или сказителей, которая храня этот этос в своей памяти тем самым обуславливала его живое существование. Теперь же уходит в прошлое и нар. этос, и его носители — певцы-сбывальщики (в ^{древнейшей древнейшей традиции или} фольклоре киргизская «Манаса»). Исчезли древне-ирские сапсы, ~~казахская~~ и исчезли также и доживающий ныне свой век в виде десертка и мелочная сейчас певцов киргизская профессия Манаса, т.е. исполнители «Манаса», — профессия сказителей-певцов, помнящих стихи «Манаса» наизусть и зарабатывающих себе пропитание и мелко исполнением этого этоса.

Это исчезновение неизбежно для всякого народного героического этоса в любой стране, в любой национальности. Но при этом исчезновении могут иметь место два ^{или} разных пути, два различных способа исчезновения нар. этоса, — два типа его судьбы: первый случай, — и мев-

иной место, напр., в Китае и в Японии, где
даже и-давно уже бесследно исчезло народное
эпическое творчество песен про военных героев вроде
де Манаса — этот случай софору в том, что народный
эпос исчезает не успеет быть записанным:
или в до-письменную эпоху, или тогда, когда
книжная культура еще не настолько сильна, что
бы сознательно позабыть себе задачу сохра-
нения, письменной фиксации народного творчества.
Второй случай — когда перед своим исчезновением
из людской памяти народный эпос успевает
быть записанным, и таким образом становится
Книгой, — книгой, которая уже как книга
переходит и переходит из поколения в поколение
и следовательно оказывается счастливой, со-
храненной частью мировой литературы. Этот
второй случай имел место и в древней Греции,
и — благодаря Октябрьской Революции, созда-
вшей национальную и в тоже время соци-
алистическую культуру киргизского народа,

он ~~всегда~~ ¹⁰ ~~не~~ ^и у нас, в Киргизии. Иначе говоря,
и здесь для предпринимателя займись «Манаса» - в
то время, пока он еще цел - хотят и в тамбуле
пославать уже по колесам степеням - Манаси.

В Кране
كفر
地本子見也!

Цена 10 коп.
12 листов

Продажа по цене выше обозначенной карается по закону.

Бумага тетрадная фабрики им. М. Горького, обложечная фабрики Красногородской
Республиканский Трест Школьных Письменных Принадлежностей.
Горлит от 10/1 1936 г. Тир. 10.000.000. Тип. ф-ки «Светоч» им. Бубнова, Б. Пушк., 18.

Manas

Д. № 144

Handwritten notes in Arabic script, including the word 'باللون' (by color) and other illegible characters.

ТЕТРАДЬ

по учен

..... класса школы

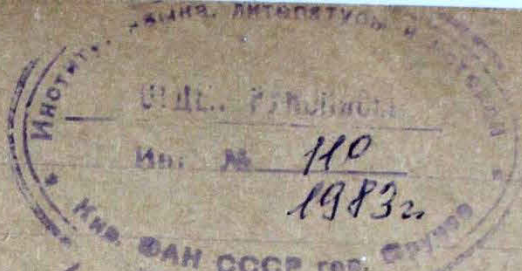
.....

.....

НИЖНЯЯ

Рукопись № 124

..... 193 г.

«Киргизы¹⁾ являются самым богатым из Тюркских народов по сокращению на 70% эпического творчества — это положение, ~~вытекающее~~ естественно.

Зывавшаяся еще до революционной борьбы, исчезла в изре-

зоре после того, как революционная эпоха советской туркологии открыла большинство киргизских устных эпических произведений некоторых других

до того «без-эпическими» средне-азиатских турок; но и

после этого переименование в киргизское устное эпическое творчество не исчезло

киргизско-татарско-киргизско-татарское по форме на языке

эпическая устная литература, на

наш взгляд, бесспорно сохраняет свою эпическую природу. Правда.

«Тара-киргизы» по русскому до-революционному понятию

относительной мощи кирзского героического эпоса, где один неслыханный колосс - "Алнар" ²⁾ заслоняет собою все остальное, мощно, казалось бы, противопоставляя эпическое разнообразие казахских и узбекских дастанов ³⁾.

Но это несколько не снижает нашей оценки кирзского героического эпоса, а лишь ^{доказывает} (вернее =

²⁾ "Семетей", т.е. эпоса, в котором речь идет о Семетее - сыне Алнара, может рассматриваться как эпос того же - Алнарского цикла, т.е. как элемент "Алнара" в широком смысле.

³⁾ "Dastan" (Дастан) - былина, поэма народного эпического творчества.

подтверждает) следующие два обстоятельства: 1) то

что развитие киргизского нар. эпоса, в основном своем со-

держании шло независимым путем, т.е. отдельно

от эпического творчества казахского и узбекского, тогда

как у двух соседних национальностей (- казахов

и узбеков) мы наблюдаем, наоборот, повторение

одних и тех же близких сюжетов, указывающих

на общую ~~историю~~ историю, когда-то существовавшую

национальная основа эпического поэзии; этого мы

вырабе были бы находим еще и на основании

историко-лингвистических данных, т.е. в том же

внутреннем казахского и узбекского языков: дело

в том, что то именно из (здесь) парентезы узбек

казахским — заимствованным, в частности описанным —
промежуточное место между казахской и «кыпчакской»
узбекской языковыми системами);

— 2) то обстоятельство, что киргизский героический эпос.

этот достиг уже высшей ступени развития сравнительно

с той ступенью, на которой мы застаем былинное творчество

у казахов и «кыпчакских» узбеков: у киргизов имел уже

место той процесс объединения, или «циклизации» бы-

у третьей «древности», т.е. имел уже вторичное

«показание»: жоо (или жоо) «неф», жоо «дорога»

и т.д. Между прочим, признаки «древности» вхо-

дят в число признаков, общих (в историко-лингвистическом смысле)

«кыпчакскому» узб. наряду с казахским (кысх и с каракайтакским) языком.

личного творчества в свободные эпохи (или эпохи),
 которые характеризуют, напр., древне-чеченскую (- Ишадан-
 Огузсуз) или армяно-чеченскую, гермет. караванскую народную
 эпическую поэзию (- Кошквалла) 5)

Произведения, безраздельно относящиеся в кар-

5) Добавим однако, во избежание недоразумения, что я
 более не хочу утверждать абсолютную изолированность
 киргизского народно-поэтического творчества ^{эпохи} от ^{эпохи} туркменского
 средне-азиатского творчества - в том смысле как у каза-
 хов или узбеков. Можно, наоборот, доказать, что на опре-
 деленном этапе здесь имелось место взаимное влияние
^{культуры} киргизского и узбекского творчества. Но оно имело ограниченный характер,
 и отсюда далеко до "общего языка" героической поэзии
 в целом. В киргизском творчестве можно указать на форм. черты, типич-
 ные для средне-азиатского творчества и которые указывают на форм. черты, типич-
 ные у киргизов киргизского творчества. Вероятно "Алпамыш"
 - поэма, представленная в узбекском и ^{казахском} ~~узбекском~~
 фольклоре.

низкого этического творчестве, и представляющее
 собою для киргизского народа то, чем были Плима^н
 и Одиссея для греков, — эпопея "Алганаэ" (с
 "Семетеем" в качестве второй своей части) обра-
 зует на себя исключительное внимание и преле-
 всего, уже по своему объему, с которой
 и т. д. в сравнении не только дастали¹⁾ других
 киргизских народнопоэз, но и не только из общепе-
 нных народных эпических поэм против народо²⁾.

6) Третья, называемая "Алганаэ" гилгизским
 из всех эпосов мира включая сюда и единоличных
населенно-литературное эпопеи — было бы исклю-
 чительно; повидимому, рекорд количества стихов будет
 принадлежать здесь из которых "единоличникам" — как раз

Но дело, конечно, не в одном только количественном преобладании «Манасы». И со всех точек зрения, — как по доказательству обширности исследования казахского фольклора в лице З. Ануэзова, — представляющей собой замечательнейший памятник, вполне достойный занять место в мировой литературе наряду с Гомером, Калевалой, Мах-намаз^{7*)} и эпическими произведениями, в которых заимствованы героические эпические мотивы и на протяжении ^{топонимических} ~~эпических~~ этих их исторического развития. Позволяет себе сформировать лишь на одной стороне киргизской эпопеи — на формально-поэтической ее технике.

Киргизская «Манаса» может быть названа свободной, т.е. не предопределена ~~своим~~ постоянным числом стихов для каждой строфы, и это, конечно, вполне соответствует тематическому характеру эпопеи. Замысел твердые и очень «жесткие» нормы предопределяют звуковой состав отдельных стихов, которых, в связи с этим является прямо «насыщенный» фонетический

т.е. «Книга Царей».

7*) Мах-намаз, Гуснуриева, в свою очередь, что и так, в этом ряду, так как, принадлежа к поэтическому творчеству одиночного поэта, она заключает в себе ^{сводный} обработку народных героических сказаний Киргиза.

интересный пример: напр. авиан ~ авиан в "Мой год самая красивая
 девушка ...". Он повторяет себя заставил", и в "Календарной
 пример" Мандковской: напр. авианта ~ авианте в авиантор ~
травиата или Как насканидаемной ~ Как и носки пода-
рент "Т.н."), а с другой стороны и в повторе тех французских
 единиц (или представлений), которое звучат, как фактом,
 уже не является [вот почему, между прочим, я предпочитаю в
 качестве общего термина выражение "французский повтор", а не "звук-
овый повтор"]: сюда относятся, например, повтор - 1) словных

словных собою данное два стиха целиком. И именно, если мы возьмем
 (уже не в обычной французской орфографии, а в транскрипции) соглас-
 ные звуки ~~на~~ этого двустишия, то получимся следующие 2 ряда:

f l s k z d b z
 k s f l d l p z

Каждый из согласных верхнего ряда (т.е. первого стиха в данном двустишии)
 найдет себе "перекликающийся" с ним согласный звук в нижнем
 ряду (т.е. во втором стихе). Соединив линиями эти члены каждого
 "повтора", мы получим:

f l s k z d b z
 k s f l d l p z

(with lines connecting corresponding letters between the two rows)

Во всех повторах кроме двух (именно кроме вар и з ~ л) мы имеем повто-
 рение согласного звука, как таковое - полностью. В повторе вар повто-
 рятся лишь извещенный согласный звук (предшествующий) - тот акцентированный прощало

ударения (- основной организующий момент русского, например, стиха),
 2) количественных ~~характер~~ признаков слова, т.е. представлений гласных или, наоборот, краткости слова (этого рода повторы встречаются в основу т.к. "мерзесков" стихосложение - в древне-церковной, напр., поэзии и т.п.), 3) представлений мелодических (т.е. имеет место - хотя и в виде неканонизованного лишь приема - в японской поэзии, например у японского поэта Иса - "Чайка"), и т.д.

Следовательно, все средства поэтической организации слова переводом материала - в том числе ~~т.е. и акцентация~~ и размер, как фактовой (будь-то мерзеский, или чисто-силлабический, или тонико-силлабический, герм. силлабо-тонический размер), и структурный момент, ^{краткости} проявляется обычно где согласная в и р. & т.е. аналогично этому мы имеем и в повторе $\tau \sim \nu$, который, однако представляет собою частный случай той "игрой правых и согласных", которая вообще нередко играет самостоятельную и структурную роль в инструментальной поэзии и в данном случае сводится к следующему соотношению

"левых": $\nu \tau \tau$
 $\nu \nu \tau$

(т.е. два τ при одном ν в первом слове и, наоборот, два ν при одном τ во втором слове).

ма, и аллитерация, и все неканонизованное (в данном
 , т.е. окказиональное, повторы (или "переклички") по существу.
 как или близких друг к другу гласных и согласных — все это
 лишь частное случаи одного и того общего принципа, который
 находит себе ближайшую параллель в ^{различных родах} музыкальных
 повторах — в музыке, а с другой стороны и в принципе сим-
 метрии — в изобразительном искусстве¹⁾.

Исходя из того, что сложность, а вместе с тем и эстетич-
 ность (в воздействии на слушателя) ^{каждого} ^{образца} (данного поэтического ~~образца~~
 творчества прямо зависит от той суммы, или совокупле-
 ности, гроч. повторов, которая в нем находит применение,
 — иные повторы, от нагрузки стиха приемлем гроч.
 повтора, мы можем применить этот критерий оценки
 и к стилю "Манаса". Что же мы здесь находим? — ~~то~~ ^{то} ~~срав-~~
^{конкретизированный}

1) Добавим, что подобно тому, как в ~~изобразительном~~ ^{изобразительном} искусстве
 принцип симметрии находит себе максимальное приме-
 нение именно там, где данное искусство уже утрачивает
 свои изобразительные задания (— в частности, в геометрическом
 и т.п. орнаменте), так и принцип гроч. повтора макси-
 мально существует в тех ^{именно} видах (или в тех частях) поэти-
 ческих произведений, где изобразительные задания (— слов-
 лобная фигура) отступают на задний план, или даже вовсе
 сводятся к нулю, т.е. в таком именно роде стиха, как
 припевы (— refrain'ы) ~~применяются~~ и с другой стороны, т.н. "зауль"
 (пейслики), но именно в припевах мы и наблюдаем обычно макси-

Книжково с другим определением народной эпитетической поэзии
(напр. с Толером или с Каревым) киргизская эпическая поэзия
быть ~~названа~~ на определена как наредкость (кисбугенной ^{богатырь,}
приемами фок. повторов образцу эпического стиха.

К канонизованным приемам (- фок. повторам) "Мана-
са" можно отнести:

1. Размер стиха: а) определенное число слогов между ударениями,
т.е. в обеих частях каждой строки б) определенное число
ударений, в) ~~определенный~~ ^{определенный} порядок ударения и неударения
слов. В двух случаях характерна - доминирующая или все

максимальное приближение к "записи" - в связи с обеспечением
словового задания; между прочим, и в тех двух последних строках
приведенного нами выше примера из В. Того, где мы видим
развернутый во всю ширь обоих стихов прием консонантиско-
го, т.е. созвучия, повтора, но опять-таки не так как в примере на
выше о слабом сходстве словесной значимости этих строк; для
чего здесь упомянуто про то, что татар "siffle dans le pré";
т.е. "свистят на муравья"? - из фонетического задан-
ия всей песенки этот образ вовсе не возникает, и наоборот,
напротив даже навязанным, измышленным, - проделанным он именно
фонетическим заданием, т.е. фонетической организацией
стиха, получающей в данном случае возможность влиять
максимально на ясность фок. повторов).

пропущенный слог — расчленен двусложный слог, т.е.:

А) всезнаменитый стих:

•• / | •• / || •• / /, т.е.: ананей, ямб (чезура), алланейст.

Примеры:

Qabolan manas barisindir?!
x x
x

Узуну көзөй оғтолду [x x] Тороңу би сөзүң айтқан [в этом

и т.п.

стихе, благодаря нормальности при звякии
элизи, масноту у перед слезу юцим
а чережет]

Б) семисложный стих:

Урбай соғрој киргизин
• / | • / || •• /

т.е.: ямб, ямб (чезура), алланейст.

Примеры:

Urбай соғрој киргизин
x x
x

Maqul bolot baator dep [гоиме маснае в «Манасе»

читывается заодно с крайними (в отличие от
их употребления в современном стихе некоторых киргиз-
ских поэтов]

Билер мөхтум согулуп
 x x
 x x
 x

Козылдорь кир болду [6 еубе Козылдорь урууларында
 и буюрордунуе - иа 2 еубе - и көһөрһө
 иабһө ууарһуа].

2. Пулрһа. Дһа ииһорһуи* ее һуһеһу ереһууһуе һуһе.
 һа:

Қандардан келген елсидиз,

Қастоһаға һуһеһон еенсидиз [- һуһеһа (еосһоһуаһ
 иһ һоһоһа 5-зһуһоһо һоһеһеһа еидиз)
 6 дһа еиһеһоһа еһеһа].

Һаһһандоһоһон билһизһин,

Һоһаһат һенен кирһизһин,

Уһуһуһоһон билһизһин,

Урһеһ, соһоһоһ кирһизһин [- һуһеһаһ 6 иеһаһеһ еиһеһоһ
 еиһеһаһ]

x x
 x

Цена 20 коп.

Продажа по цене выше обозначенной карается по закону.

24 листа

После сего идет 2 т-ов:

x x
x

Kirbej tozta qalozans.
On eki ming qaloz qol
Qarqadan kirip qarasa
Uzun ketkin koco qol

40.

Бумага тетрадная фабрики им. М. Горького, обложечная фабрики Красногородской
Республиканский Трест Школьных Письменных Принадлежностей.
Горлит от 10/1 1936 г. Тир. 10.000.000. Тип. ф-ки „Светоч“ им. Бубнова, Б. Пушк., 18.

Манас II

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
УЧЕБ. ПОСОБИЕ
№ 110
1983
ИЗДАТЕЛЬСТВО СОСР РСФСР

ТЕТРАДЬ

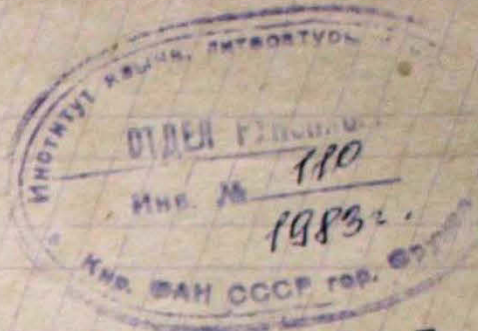
по _____ учен _____

_____ класса _____ школы

НИИЯЛ
Рукопись № 194
1983

x x
x

Kirbej tosta qaloyans,
On eki ming qalov, qol
Qarqadan kirip qarasa

Uzun ketken koso çol [Этот пример взят как

образец минимальной морфологической нагрузки
стиха: из 4 стихов мерного только 2го и 4го;
но такие случаи встречаются, в общем, не-
много] ~~а не наоборот, как у нас~~
~~засея~~ Порядок речи представляется очень большим
разнообразием на протяжении «Манасы»; в частности,
можно назвать случаи, где мерный один с другим
(и со всеми) ^{сменяясь} каждая из 8-10 и более строк.

3) Аллитерация. Из двух видов аллитерации — внеш-
ней и внутренней — каноническим следует при-
знать первую, т.е. внешнюю аллитерацию, сво-
дящуюся к повтору одного и того же звука
(согласного, реже гласного) в начале нескольких
сменяющихся стихов. Примеры:

3

Значительное место, т.е. уже на правах канонизованного приема звукоповтора, в эпосе, так называемая внутренняя аллитерация¹⁾, состоящая в повторе одного и того же (- чаще согласного, реже гласного) звука в начале смежных слов одного и того же стиха.

Пример:

.... Qutuldúqbu şyk deşip

Qamqan qajrop byktoşyp,

Qaczoza qoşun şyktoşyp,

Qabolan Manas qanqordan

Qajattöqre Aman şyk teşip [прежде

всего, раньше 5 стихов содержит в себе

внешнюю аллитерацию; но кроме того

¹⁾ Крестик характеризует, «айр», в женской и эпитетной народной поэзии.

пятикратному

к соответствующему звуку аллитерации (повтору согласного) присоединяются во втором, третьем, а также и в четвертом стихах, повтор ~~ка~~ ~~тов~~ уже согласного в начале начального звука слов внутри стиха].¹⁾

4. На правах неканонизованных и occasionalных приемов звуковой инвентаризации стиха в "Манасе" мы не будем и ряд таких звукоповторов, которые не

кавовое
1) Для русского читателя более характерной оказывается не внешняя, а внутренняя аллитерация (сравни. стиховый уже трагический пример аллитерации в русском стихе: "Чуждым гари тёрной земли" у Бальмонта). ~~Поэтому~~ Поэтому в переводе ораков из "Манасы", сделанном Е. Погодиной-Васильевой, фиксируется такая, нейтр., кодыка переводить прием аллитерации в русский стих:

Воз в волшебных волнах сна =
Дивным средним гуданом [гуданом здесь - мерицский ступень]
Алтын-Ан оружен
Сыну Нура статья женой....

подклет (по крайней мере, без условных оговорок, или 5
капелен) в форме каменное рубрики (1, 2, 3); в качестве
случайного примера можно сослаться на "дополнительный"
повтор (стандарт введением которого данное гласное
гласное превращается в последующем повторении, —
то, впрочем, отнюдь не должно считаться редкостью,
а скорее является нормой и даже является где
"манускриптом" срих: сравн. об этом ниже):

Lyjlogon vende ozy soq
Lykutton ^{здесь} belek sozy soq [именно в виду (помимо

внутренней и внешней аллитерации) "дополнительный"
их повтор звука в втором слове (и в первом,
т.е. дублирование срих) как дано из данных срихов;
но тут же легко можно увидеть установленный и греч-
ше — точнее дополнительный, т.е. некаком-то
ном — звукоповтор. в этом двустишии: в
заключении, своеобразная внутренняя рифмовка
слов Lyjlogon и Lykutton, и проз. В ре-
зультирующем, гласные ^{действительные} вокалы являются

неисключено спонтеанно (и в газетѣ, именно ^в журнале)
повторам, что представляется даже довольно трудно-
желым оформить на ипотечном эти два случая такой
звук, который ке да да у нас только форм или дру-
го звукообразу. Проверки, что эта связь, како-
временно повторам не должна почитаться, как
явление исключение: например, - эта та норма, к кото-
рой принадлежал очень много из «Манасовых» строк.

Вопреки увеличению переня прелом форм. повторам уже
формально, а впрочем, где форм, тогда читатель согласен
со мной и признает исключительную большую «нагрузку»

«Манаса» поэтически средствами (т.е. ~~сред~~ приема-
ми поэтической техники). Но кроме повстан сложному
мелодичности, сложной звукообразной узорам композици-
онных форм «Манаса» нас может интересовать еще больше
о причинах этой сложности - в газетѣ, больше о том,
почему именно в киргизском нар. языке сложность
(не считая уже размера) ^{и именно в том каноническом образе -} такие два ~~канона~~ приема
как перма и аллитерация, из которых прочие образы
некоторые формации (- у других народов) вообще обыкновенно

как грабун «Манаса»).

Этим двумя моментами — зем, тис с адна
 кроме последнего слова акцентуация
 во глаголе на сверное поле пролежательского
 внимания, до известной степени, и первой
 слог многоложного слова, и с другой фо-
 рмой зем, тис в киргизские народные фор-
 мально могут непосредственно вступить
 монгольские ¹⁾ пролежательско-пролежательские тради-
 ции, — и можно, мне кажется, попытаться
 дать раздельное фонетическое в «Манасе»
 соотнесение (на правах канонизованных
 приемов) и рифма, и аллитерация

¹⁾ Конечно, в широком смысле термины «монгольские»

изами, а другими кочевыми народами (тунгусами и
иначе северными кочевниками), в том числе и наро-
дами Тюркоязычными, а затем, наконец, монго-
лами, — то для нас не только возможно, но даже
и обязательным является вопрос: а не могли ли ~~эти~~
эти самые события лежать в основе легенды о Ман-
совском завоевании сибиряков? Не может ли под обра-
зом и именем киргиза-Манаса скрываться, хо-
тя бы, тот же Чингиз? Типология этого рода предла-
гается мне невозможным и именно потому, что в
состав киргизского нар. коллората, на профане-
ски сражаясь неоднократно вливаются посто-
ранные элементы — как Тюркоязычные (з.е. предла-
жили другие Тюркские народности, в том числе, напр.,
осколки древних уйгуров²⁾), а кроме того — и в

1) О Джурджульской, а с другой стороны, и са-
мым последним — маньчжурским завоева-
нием и уже не упоминается.

2) Тест которого война, как я имел основание утверждать
(между прочим, на основании данных о том, что Манасовский эпос)

в особенности — могольские, и тюркские, и прочие,
 т. е. не принадлежавшие ни к моголам, ни к тюркам.
 За движением ^{и протоинно} ирландского по формам для слова
 «Манас» ^{и образа мифологического героя} (можно последовать и вопросу происхождения
 как, т. е. об определении, и самого слова (-имен) Манас.
 Хасан Кошери, к вопросу этиологии доминирующей приверженной
 и географической названию Манас (- род и река
 в Вост. Туркестане), и второе Западное киргизское слово

во имя гунган и мусульман — из тюркского имени (то
 имени Угур) в гунганский когнональный кол-
 лектив, а прочие «осколки» были ассимили-
 рованы различными тюркоязычными пле-
 менами Ср. Азии (в том числе даже
 племенами Хорезма: ~~они~~ именов здесь в виду предков
 современного населения котлока Утгур в Тага-
 ватском р-не, в 17 км от Хавы, озеро которого
 было обследовано мною во время хорезмской
 экспедиции (1930 года).

— манар (как содержащее, может быть, обитый
 корень с инициал Manas); наконец, не могут быть
 оставлены и "гунбинские" рукописи почитаемого
 Тр. и Тр. и манар¹⁾. В рукописи, возникшей под ре-
 шие, кельд и в окрестности - as (которое и в рукописи-
 ельсе, между аформ, и в Talas - изданные места
 президенту Манас) видны отрывки гунбинского
 ага ~ ага ~~ага~~^{т.г.} "ага, князь"? Все это от-
 носится, конечно, к чужде перемешан (и кельд распе-
 шеных) рукописей, но во всяком случае, тот материал,
 который дает нам рукописи ~~написаны~~ Манас и в ага, где
 есть отрывки с указанием на участие и в ага
 Дилетров и в ^{группе} ага, и в инициал ре-
 кур. ага.

~~1) См. между аформ его реперит о работе В.В.
 Барфова "Курма" (в ага ре- Теор. Общ.
 ? : ? :)~~

IV.

Литература, посвященная «Манасу» почти не существо-
 вала — и это, конечно, естественно объяснялось отсут-
 ствием более или менее точного издания. Первое
 издание (о венгерском издании я в настоящее время
 не имею возможности рассуждать), а Рагловский
 вариант, конечно, несомненно не имеет цены в
 сравнении с тем, что дают современные издания
 текста. Из первой заглавной «Манасом»
 мы знаем о Т. А. Далева ~~фотомонтаж~~ иллюстри-
 ровавшего историю Манасовой из истории афган-
 ского ~~литературного~~ (восстановил историю Манасовой группы
 — критическое издание под заглавием «Как строит-
 ся карикатурная драма» в журнале «Наука
 и Просвещение», изд. НКП РСФСР № 1,
 Мамкин, 1922). Таким образом первым сер-
 ьезным — переводным, или «благородным» характером
 исследованием является лишь в последнее
 время книга А. И. Иванова работа Т. А. Ахмедова

в кусто дуге време узе сданнаа гад
 перену в КурТочдуган (с кен узе максимал
^{литературног аналит КурТочдуган}
 Заа как ребофа уе дила заритана на Кон-
 оперенци ребофинов по перевоу и издамни
 "Манаса"). Комери, исслегование зов. Агузоба
 мого дото видимно Толоко Бландару кам-
 нно полноа фекста "Манаса" - в биче дуге
 верси (скажити Саткелбаева и Карабаева),
 зитасимнаа зов. Мертакова и групни соби-
 редени и коче хранецикаа в Кену-
 Исследователски институте Куртузово
 Дрпа и Исследовател.

На оредни спонт, комери, некакто издамни
 своено фекста "Манаса" (из обект биче-
 кебенима верси) на куртузово дуге, а с
 други дуге - русени пофрени (стихи-
 зорни) перевоу зов уе фекста. На уе
 последноо издамни ~~фекста Куртузово~~
 правдевофо Куртузово дрени мого средоф,
 спреиде пофавиу дело др. на доленику биче-

Т. К переводу привлечено участие из русских поэ-
 зических переводчиков, и в течение время ра-
 боты при в своем составе. Правда, первые
 пробные образы 5 переводчиков (образцов ^{для} этой
 работы взял был «Рассказ Алимбергера о своем
 происхождении») видением были неудовлетори-
 тельны. Принимаясь организовать целую «школу»,
 т. е. резервную инструкцию переводчи-
 ков «Мемаса», командировал для этого в
 Москву лучшего из местного научного ра-
 ботников по азбуке и филологии — Роберта
 Губенко-Тимова. Инструкцию эту ^{«исключительно»} передал
 до настоящего момента, все-таки, ^{мы} так и ^{не} получили
 свои планы, ~~но~~ ~~та~~ ~~инструкция~~, ~~которая~~ ~~испол-~~

~~А вот эти московские переводчики в ~~каждом~~~~
 добросовестных и отвечающих хотя бы общему смыслу и духу кир-
~~гизского. Текста переводов — таково общее мнение сотрудников Института.~~
~~Добросовестных.~~ Особняком с этой переводч.
 «Волшебника отравлен из «Мемаса» про-
 фессора Е. Томашова, текст которого уже
 была напечатана в периодическом печати. Этот пере-
 вод ~~вызывает~~ ^{вызывает} ~~отрицательный~~ ^{отрицательный} прием со сто-

ном, что в гл. "Отрывки" переводчик посто-
 янно себе комбинировал ^{версии} различные ста-
 тистические. В конце манускрипта, если и не
 ясно отдаленности от первоначальной русской
 версии, как это мы находим, напр., в "Книге
 и Давидов" Якубовича (по сравнению с исто-
 рическими санскритскими текстами: "Осуд риджа
 Канта кано Вираसेна сито бам..." и т.д.),
 то во всяком случае, - один из свободных пере-
 водов, для которых некто из ученых ориен-
 талистов за время (к тому же переводчик
 считал нужным придерживаться кирин-
 ских размеров первоначальной версии в кирин-
 ской из серии "Отрывки" ¹⁾ считая, что
 "Мани" - это некая обширная ^{всма} похвала, что
 на протяжении его перевода имеют место
 все виды и все случаи формальной его
 передачи).

(см. 5 Т-до) П.

1) Оценочное значение автора вынесено в 193 году.

Цена 10 коп.

12 листов

Продажа по цене выше обозначенной карается по закону.

Бумага тетрадная и обложечная Красногородской фабрики

Республиканский Трест Школьных Письменных Принадлежностей.
Горлит от 10/1 1936 г. Тир. 10.000.000. Тип. ф-ки „Светоч“ им. Бубнова, Б. Пушк., 18.

38

ШКВ. (204) 110

17 XI 41

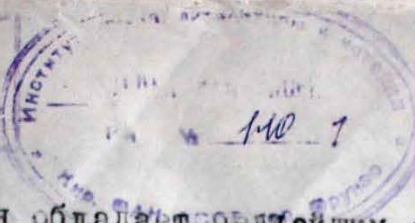
СКОРОСШИВАТЕЛЬ

~~ШКВ. № 38 1944.~~

ГОРОД	<u>Машаков 82.</u>
УЧРЕЖДЕНИЕ	<u>Курский гос</u>
ДЕЛО	<u>"МАНАС"</u>
ОТ	<u>Григорьев и сын по договору</u>
ДО	<div data-bbox="756 1299 1061 1430" data-label="Text"> <p>ИЮНЬ Рубрикация № 194.</p> </div>
Примечание	№ _____

ТАШНАПРОМ

Рукопись № 39
XI 1941 г.

НИИКЯЛ
Рукопись № 134
193 г.

Киргизия обладает редчайшим сокровищем устного народного творчества: это героический народный эпос "Манас". Произведение это называется эпосом, т.е. принадлежит к эпической поэзии потому, что содержанием и задачей его является повествование-рассказ о событиях /хотя о псевдо-исторических, т.е. о вымышленных событиях, относящихся к жизни и воинским /подвигам легендарного киргизского хана/. Народным этот эпос называется потому, что он является продуктом коллективного творчества целой плеяды, целого ряда поколений народных поэтов, или певцов-сказителей Киргизии, имена которых /за исключением самых последних-современных нам или близких к нам передатчиков их творчества/ остались для нас

Это наименование ~~используемое~~: "народный эпос" отнюдь не означает, однако, что в народных эпосах, в их создании, фактически принимал участие весь народ или даже все его социальные слои: наоборот каждый из народных эпосов, созданных в классовом обществе, имеет определенную классовую характеристику. При этом социальным заказчиком служила, в виде общего правила, господствующая классовая группа, а исполнители заказа, т.е. фактические авторы, в творчестве своем, ориентировались именно на вкусы и требования той господствующей среды, которую они обслуживали, рисуя ее героев, ее идеалы, воспитывая ее молодые поколения в нужном для нее духе, внушая молодым поколениям подражание тем идеальным для данного класса героям, каким являются, например, Ахиллес и Одиссей для царей и военных вождей эпохи античного /древне-греческого/ феодализма, а Манас и Алмамбет для ханов и дружинников киргизской эпохи степного феодализма. Итак, наименование народный эпос мы можем прилагать к произведениям коллективного эпического творчества, каковы Манас или Илиада с Одиссей и т.п. лишь условно, отнюдь не подводя под слово "народный" значения "обще-народный", а помня о классовом характере этих произведений.

Наконец, из данного нами наименования, или определения: Манас есть

героический народный эпос киргизского народа" - остается упомянуть еще о прилагательном героический от слова герой, конечно. Здесь имеется в виду эпос, рисующий идеальные / с точки зрения данной социальной среды - с точки зрения ханов и дружинников эпохи степного феодализма - предков манапского слоя киргизского народа / образы героев войны и завоеваний. Не надо забывать, что та эпоха, в которой создавался "Манас" или в Греции, например, Илиада - и та феода, социальный заказ которой выполнялся в данных народных эпосах, действительно жили в войну "жили войной" в том смысле, что считали занятие воинов наивысшим и наимценным, единственно-достойным аристократического класса занятием. И вот в данных именно эпохи, представители данных социальных групп находили свой специфический - для нас уже недоступный, для нас навсегда утраченный прямой и непосредственный интерес в подвигах Манаса, или в подвигах древне-греческого Ахиллеса: эти рассказы о военных героях воспринимались тогда самым серьезным образом, как наука жизни, как то, чему надо подражать, как наука, учащая жить и действовать, т. е.: учащая воевать, побеждать, / и властвовать! Но проходят века, наступают другие социально-экономические эпохи, и война оттесняется на задний план. В Греции, например, гомеровский эпос прекратил свое живое существование и свое развитие именно тогда, когда сошла со сцены военная аристократия и когда война уступила свое значение и место международной торговле; и вот в эти новые эпохи греческий героический эпос оказывается, уже не способен восприниматься так серьезно - на манер Корана или Евангелия - как на него смотрели древне-греческие цари до республиканской эпохи, или киргизские ханы эпохи степного феодализма. Герои войны перестают блистать героическим блеском; отношение к ним настолько изменяется, что возможно, оказывается, уже высмеивать их, воспринимая Илиаду в шутку, и действительно пародировать ее создавая взамен Илиады, т. е. эпоса легендарной истории войны греков и троянцев комический эпос: Войну мышей и лягушек /Ватра-Хомиомахию/.

Несомненно, что героический эпос может создаваться в любом народе, но при наличии определенных условий, и главное в определенную социальную историческую эпоху - в эпоху разложения родового строя и раннего

феодализма. Карл Маркс в своей "Критике политической экономии" совершенно точно указывает, что народный героический эпос может создаваться только на низкой ступени развития материальной культуры. Далее, когда наступают новые социально-экономические формы и новое содержание материальной культуры, когда на смену приходит новый господствующий класс /и изменяется, следовательно, также и социальный заказ господствующего класса к литературному творчеству/, героический эпос, как таковой, неизбежно и обязательно умирает, и умирает вместе с той профессией певцов, или сказителей, которая храня этот эпос в своей памяти и тем самым обуславливала его живое существование. Теперь же уходят в могилу и нар. эпос, и его носители-певцы ~~исчезают~~ специалисты / в роде древне-греческих рапсодов или киргизских "манасчи"/. Исчезли древне-греческие рапсоды, исчезнет также и доживающая ныне свой век в виде десятина имеющихся сейчас певцов киргизская профессия манасчи т.е. исполнители "Манаса", профессия сказителей-певцов, помнящих стихи "Манаса" наизусть и зарабатывающих себе пропитание именно исполнением этого эпоса.

Это исчезновение неизбежно для всякого народного героического эпоса в любой стране, в любой национальности. Но при этом исчезновении могут иметь место два различных пути, два различных способа исчезновения нар. эпоса, два типовых случая: первый случай, - имевший место, напр. в Китае и в Японии, где давным-давно уже бесследно исчезло народное эпическое творчество песен про великих героев вроде Манаса- этот случай состоит в том, что народный эпос исчезает не успев быть записанным. или в до-письменную эпоху, или тогда, когда б книжная культура еще не настолько сильна, чтобы сознательно поставить себе задачу сохранения, письменной фиксации народного творчества. Второй случай-когда перед своим исчезновением из людской памяти народный эпос успевает быть записанным, и таким образом становится книго-книгой, которая уже как книга переходит переходит из поколения в поколение и следовательно оказывается спасенной, сохраненной для мировой литературы. Этот второй случай имел место и в древней Греции, и благодаря

Окт. Революции, создавшей национальную и в то же время социалистическую культуру киргизского народа, — он имел место и у нас, в Киргизии. Иначе говоря, и здесь была предпринята запись "Манаса" — в то время, пока он еще цел эста и в памяти последнего уже поколения специалистов — Манас

"Киргизы¹ / являются самым богатым их тюркских народов по сокровищам народного эпического творчества" — это положение, высказывавшееся еще в до-революционное время, естественно нуждалось в пересмотре после того, как советская тюркология открыла у некоторых других — считавшихся до того "бессюжетными" средне-азиатских турок; но и после этого пересмотра вышесказанное утверждение киргизского первенства в области эпической устной литературы, на наш взгляд, бесспорно сохраняет свою значимость. Правда, относительной монолитности киргизского героического нар. эпоса, где один несчет несравнимый цикл "Манас"² / заслоняет собой все остальное, можно, казалось бы, противопоставить тематическое разнообразие казахских и узбекских дастанов³ / . Но это несколько не снижает нашей оценки киргизского героического эпоса, а лишь доказывает /вернее подтверждает следующие два обстоятельства

1/ "Манас-киргизы" по русской до-революционной номенклатуре.

2/ "Семетей", т.е. эпоса, в которой речь идет о Семетее-сыне Манаса, может рассматриваться как часть того же Манасовского цикла, т.е. как ингредиент "Манаса" в широком смысле.

3/ билина, поэма народного эпического творчества.

"кыпакской" узбекский и киргизский языковыми системами/;

-2/ то обстоятельство, что киргизский героический нар. эпос достиг уже высшей ступени развития сравнительно с той ступенью, на которой мы застаем былинное творчество у казахов и "кыпчакских" узбеков: у киргизов имел уже место тот процесс об"единения, или "цивилизации" былинного творчества в сводные эпопеи /или эпопею/, который характеризует, напр. древне-греческую /-Илиада, Одиссея/ или финскую, карельскую народную эпическую поэзию /Калевала/ 5/

Произведение, безраздель господствующее в киргизском эпическом творчестве, и представляющее собою для киргизского народа то, чем были Илиада и Одиссея для греков, - эпопея "Манас" / с "Семетеем" в качестве второй своей части /обращает на себя исключительное внимание, прежде всего, уже по своему об"ему, с которым идти в сравнение не только другим, но и ни одна из общественных народных эпических поэм прочих народов/.

=====

5/ добавлю однако, во избежание недоразумения, что я вовсе не хочу утверждать об полную изолированность киргизского народно-поэтического творчества от фольклора других средне-азиатских народностей в том числе тех же казахов или узбеков. Можно, наоборот, доказать, что на определенных этапах здесь, конечно, имело место взаимное влияние национально-поэтических культур. Но оно имело частичный характер и отсюда далеко до "общего очага" героической поэзии в целом. В качестве частного примера только что отмеченного скрещивания можно указать на тот факт, что у южных киргиз существует версия "Алпамыша"-поэмы, представленной в узбекском и казахском фольклоре.

6/ Правда, называть "Манаса" длинейшим из всех эпосов мира включая сюда и единоличные письменно-литературные эпопеи было бы рискованно: повидимому, рекорд количества стихов будет принадлежать здесь некоторым - "единоличникам" - как раз тем, чьи имена и творчество имеют относительно-наименьший вес в истории мировой литературы: дело здесь просто в том, что у них в частности у автора длинейшей из санскритских эпических поэм количество явно идет в ущерб качеству /чего мы

Но дело, конечно, не в одном только количественном превосходстве "Манаса". Он со свежих точек зрения, — как это доказывает обстоятельное исследование киргизского фольклороведа Т. Дуэзова, — представляет собою замечательнейший памятник, вполне достойный занять место в мировой литературе наряду с Гомером, Калевалой, Шах-намэ^{7х/} и другими подобными эпопеями, в которых запечатлена героика целых национальностей на протяжении "юношеских" эпох их исторического развития. Позволю себе остановиться лишь на одной стороне киргизской эпопеи на формально-поэтической ее технике.

Строфика "Манаса" может быть названа свободной, т. е. не predeterminedenным постоянным числом стихов для каждой строки /, и это, конечно, вполне соответствует тематическому характеру эпопеи. Зато твердые и очень "жесткие" нормы определяют звуковой состав отдельных стихов который, в связи с этим является прямо "насыщенным" фонетическими повторами. По поводу этого последнего термина /фонетические повторы /я позволю себе напомнить то, что я уже 20 лет тому назад высказывал относительно общих основ "поэтического языка", т. е. поэзии как таковой /если условится различать поэзию от прозы по формальному моменту/. В основу всякого образца поэзии ложится тот или другой вид /та или другая совокупность /приемов фонетического повтора, иначе говоря — принцип фонетического повтора всегда является организующим моментом поэзии. Под фонетическим повтором мы понимаем здесь повторение элементов из любой категории фонетических единиц будь то или просто звукопредставления отдельных тождественных или близких друг другу согласных или гласных /элементарной

отнодь не можем связать с киргизской народной эпопеей о "Манасе" /

7х/ Шах-намэ, т. е. "Книга царей", как служивает, в свою очередь, упоминания в этом ряду, так как принадлежит поэтическому творчеству единичного поэта, она заключает в себе сводную обработку народных героических сказаний Ирана.

пример чего мы найдем, хотя бы, в таких "смешных согласных повторах"
 как фт фт в кофта фата у Маяковского или как дч дч в
 у Виктора Гюго $i//$, или повтор целого комплекса гласных и

=====

l/в

, т.е. в припеве из песни, выключенный в ритм

" "

Во втором /последнем/ двустишии этого припева мы находим /между прочим/ уже сложный случай "согласных повторов", напоминающих собой данные два стиха целиком. Именно, если мы выпишем /уже не в обычной французской орфографии, а в транскрипции/ согласные звуки этого двустишия, то получатся следующие 2 ряда:

Каждый из согласных верхнего ряда /т.е. первого стиха в данном двустишии/ найдет себе, переключаясь "с ним согласный звук в нижнем ряду /т.е. во втором стихе/. Соединив линиями эти члены каждого "повтора", мы получим:

Во всех этих повторах кроме двух /именно кроме/ мы имеем повторение согласного звука /как такового- полностью. В первом повторяется лишь известная часть согласного звукопредставления тот акустический-примосительный момент, который является общим для согласных в и р. Нечто аналогичное этому мы имеем и в повторе второй, однако представляет собой частный случай той "игры плавных согласными", которая вообще нередко, играет самостоятельную и специальную роль в инструментальной стиха и в данном двустишии сводится в следующем соотношении "плавных"

/т.е. два ч при одном в первом стихе и, наоборот, два при одном в втором стихе/.

согласных звуков /что мы имеем и в русской традиционной, классической рифме: напр. в "Мой дядя самых честных правил.....он уважать себя заставил", и в "каламбурной рифме Маяковского: напр. авиата авиата в азиатор травиата или Как насвинидар шинный и носки подарены и т. ./, а с другой стороны и в повторе тех фонетических единиц /или представлений/ которые звуками, как таковыми, уже не являются /вот почему, между прочим, я предпочитаю в качестве общего термина выражение "фонетический повтор", и не звуковой повтор"/: сюда относятся, например, повторы-1/ силовых ударений /основной организующий момент русского, например, стиха/, 2/ количественных признаков слога т.е. предствлений долготы или, наоборот, краткости слога /этого рода повторы лежат в основу т.н. "метрического" стихосложения- в древнегреческой, напр. поэзии и т. ., 3/ предствления определенного числа слогов /между цезурами/, что имеет место в т. . чисто-силлабическом стихосложении японского и рюкюского языков, 4/ предствления мелодические /что иногда имеет место-хотя в виде неканонизованного лишь приема - в японской поэзии, например у японского поэта Исса-"куника"/ и т.д. Следовательно, все средства поэтической организации речевого материала- в том числе размер, как таковой /будь то метрический, или чисто-силлабический, или тонико-силлабический, или силлабо-тонический размер/, и рифма, и аллитерация, и все неканонизованные, т.е. окказиональные, повторы /или "переключения"/ тождественных или близких друг к другу гласных и согласных- все это лишь частные случаи одного и того общего принципа, который находит себе ближайшую параллель в различного рода музыкальных повторах- в музыке, а с другой стороны и в принципе симметрии- в изобразительных искусствах 1/.

1/ Добавим, что подобно тому, как констатируемый в изобразительных искусствах принцип симметрии находит себе максимальное применение именно там, где данное искусство уже утрачивает свои изобразительные задания / в частности, в геометрическом и т.н. орнаменте/, так и приемы фон. отвтв максимально шире сгущаются в тех именно видах /или в тех частях/ поэтических произведений, где изобразительные задания

Исходя из того, что сложность, а вместе с тем и эффективность / в воздействии на слушателя / каждого данного образца поэтического творчества прямо зависит от той суммы, или совокупности, фон. повторов, которая в нем находит применение, иначе говоря, от нагрузки стиха приемами фон. повтора, мы можем приложить этот критерий оценки и к стиху "Манаса". Что же мы здесь находим? Сравнительно с другими образцами народной эпической поэзии / напр. с Р. мером или с Калевалой / киргизская эпопея может быть определена как на редкость богатый, насыщенный приемами фон. повторов образец эпического стиха.

К канонизованным приемам / фон. повторам / "Манаса" можно отнести:

1. Размер стиха: а / определение число слогов между цезурами, т.е. в обеих частях каждой строки / б / определенное число ударений, в / определенный порядок ударенных и неударенных слогов. В двух наиболее / смысловая тематика / отступают на задний план, или даже в все сводятся на нет, т.е. в такого именно рода случаях, как припевы / / и с другой стороны, т.н. "заумь" / напомним, что именно в припевах мы и наблюдаем обычно максимальное приближение к "зауми" - в связи с обесценением смыслового задания / между прочим, и в тех двух последних строках приведенного нами выше из В. Гюго, где мы нашли развернутый во всю ширь обоих стихов прием консонатического, т.е. согласного, повтора, мы опять таки наталкиваемся на явное ослабление смысловой значимости этих строк. А что здесь упоминание про то, что палят "

", т.е. "свистит на лужку" - из тематического задания всей песни ни этот образ вrase не вытекает, и наоборот, каждая даже навязанным, излишним, - продиктован он именно фонетическим заданием, т.е. фонетической организацией стиха, получающей в данном случае возможность выявить максимальную насыщенность фон. повторами /.

характерных-доминирующих на всем протяжении эпоса - размерами являются следующие:

А/ восьмисложный стих.

т.е. анапест. ямба /цезура/, анапест.

Примеры

/ в этом
стихе, благодаря нормальной при зиянии элизии, гласный у перед следующим а исчезает/ и т. .

Б/ семисложный стих

т.е. : ямба, ямба /цезура/ анапест.

Примеры:

/долгие гласные в "Манасе"
учитываются за одно с краткими / в отличие от их трактовки в современных стихах некоторых виргизских поэтов/.

/в слове учитываются и второстепенное на 2 слога и конечно главное ударений/.

2. Рифма. Для иллюстрации ее приведу следующие примеры:

/рифма /состоящая из повтора 5 звучного комплексов
/в двух смежных стихах/.

/рифма в четырех смежных стихах/.

/этот пример взят как образец минимальной рифмической нагрузки стиха: из 4 стихов рифмуют только 2-ой и 4-ый; но также случаи составляют, в общем, меньшинство/. Порядок рифм представляет очень большое разнообразие на протяжении "Манаса", в частности, можно назвать случаи, где рифмуют одна с другой / и со всеми/ каждая из 8-10 и более смежных строк.

3/. Аллитерация. Из двух видов аллитерации-внешней и внутренней канонизованным следует признать первый, т.е. внешнюю аллитерацию, "сводящуюся к повтору одного и того же звука /согласного, реже гласного/ в начале нескольких смежных стихов. Примеры:

/аллитерация состоит в повторе начального в каждом из данных 3 смежных стихов. Сплошь и рядом можно найти случаи, когда подобная аллитерация охватывает не только 2 или 3, но и значительно большее число смежных стихов: напр. 8-10 и более/.

/аллитерирующим моментом /материалом звукового повтора/ в данном случае служит уже не согласный а гласный звук А /в начале 4 смежных стихов/.

Значительно реже, т.е. уже на правах неканонизованного приема звукоповтора, встречается так называемая внутренняя аллитерация /, состоящая в повторе одного и того же /чаще согласного, реже гласного/ звука в начале смежных слов одного и того же стиха.

 Крайне характерна, напр., в финской и эстонской народной поэзе

Пример:

/Прежде всего, данные 5 стихов содержат в себе внешнюю аллитерацию; но кроме того в составляющем эту аллитерацию пятикратному /повтору согласного присоединяются во втором, третьем, а также и в четвертом стихах, повторы того же согласного в качестве начального звука слов внутри стиха/i/.

4. На правах неканонизованных и эпикациональных приемов звуковой инструментальности стиха в "Манасе" мы найдем и ряд таких звукоповторов, которые не походят /по крайней мере, без условных оговорок, или натяжек/ в выше названные рубрики /1, 2, 3/: в качестве случайного примера назову следующий "дополнительный" повтор /благодаря введению которого данное двустишие достигает чрезвычайной насыщенности повторами, - что впрочем, отнюдь не должно считаться редкостью, а скорее именно нормальным явлением для "Манасавского" стиха сравн. об этом ниже/:

i/ Для навыков русского читателя более эффективной оказывается, мне кажется, именно внутренняя, а не внешняя аллитерация /сравн. ставший уже трафаретным пример аллитерации в русском стихе: "чуждый чарам черный чели" у Бальмонта/. Поэтому в переводе отрывков из "Манаса"/, сделанном В. Поливановым, фигурирует такая, напр. попытка пересадить прием аллитерации в русский стих:

Вот в волшебных волнах сна

Дивным древним дуваной /"дувана" здесь мифический старец/

Алтын-дй обручена

Сыну Нура стать женой....

ц /имею здесь ввиду /помимо рифмы и внешней аллитерации/"дополняющий" их повтор звука в второго слова/и второго, т.е. ямбической стопы/каждого из данных стихов; но читателю легко будет установить и другие тоже дополнительные, т.е. не канонизованные звукоповторы в этом двустишии в частности, своеобразную внутреннюю рифмовку слов , и прочее. В результате, двустишие, действительно, оказывается настолько насыщено фонетическими /и в частности, именно звуковыми/повторами, что представляется даже довольно затруднительным отыскать на протяжении этих двух стихов такой звук, который не был бы участником того или другого звукоповтора. Повторяю, что эта степень "насыщенности повторами" не должны почитаться, как явление исключение: наоборот, эта норма, к которой приближаются очень многие из "Манасовских" строф. Выше приведенного перечня приемов фон. повтора уже достаточно, я полагаю, для того, чтобы читатель согласился со мною признать исключительную "нагрузку" "Манаса" поэтехническими средствами /т.е. приемами поэтической техники/. Но кроме похвал сложному мастерству сложным звукоповторным узорам коллективных творцов "Манаса" нас может интересовать еще вопрос о причинах этой сложности - в частности, вопрос о том, почему именно в кирг. эпосе совмещаются /не считая уже размера/ именно в поликанонизованных средств - такие два приема как рифма и аллитерация /из которых прочие образцы народного творчества/ у других народ выбирают обыкновенно лишь один и т.е. канонизуют или рифму, или аллитерацию? Ответ на это /как и все вообще ответы о причинах того или иного подбора поэтехнических средств/ не может быть разрешаем без обращения к фонологической структуре самого языка, на котором создана данная поэтическая форма, т.е. в данном случае киргизского языка. Ведь и рифма, и аллитерация представляют собою нечто иное, как закреплённые за определенными позициями случаи звукоповторов /причем в аллитерации материалом повтора служит обычно один, лишь звук, а в рифме, наоборот, комплекс из нескольких смежных звукопредставлений,

снабженных кроме того акцентуационным признаком, т.е. моментом ударения/ аллитерация локализуется в начале, а рифма, наоборот, на конце стихов, в этом основное их различие. Вполне естественным оказывается поэтому, что аллитерация оказывается излюбленным приемом в поэтическом творчестве тех народов, языки которых обладают постоянным ударением на начальных/первых/словах слов. Но как тогда связать с акцентуационным строем киргизского языка с его постоянным конечным ударением тот факт, что кроме рифмы /наличие которой при данном акцентуационном строе может быть а признаком естественным/ фигурирует и аллитерация, которая согласно только что сказанному, а представляется естественной именно не для языков с конечным, а для языков с начальным ударением? Ответ на этот вопрос довольно сложен. Однако читатели, имеющие достаточную лингвистическую осведомленность поймут меня, если я, вкратце, скажу, что тут должны учитываться два момента: 1. Существовавшее некогда в общем источнике и турецких, и монгольских языков "обще-алтайское двухполосное ударение, имевшее место, в зависимости от той или другой позиции слова в предложении, или на первом, или на последнем слове данного слова; монгольские языки унаследовали отсюда начальное, а турецкие языки, наоборот, конечное ударение. Но дело в том, что в известной степени - в пережиточной форме двухполосность ударения сохраняется и до сих пор, как в монгольском, так и в турецких языках. сравн. депласацию ударения на первый слог /в глаголах сказуемых и в некоторых других случаях/ и вообще потенциальность эмфатического начального ударения в тур. языках /особенно в стихотворных условиях.

2/ Вхождение монгольского этнического элемента в киргизский национальный коллектив /сравн. с этим то, что сказано ниже об иноязычных источниках фабулы "Манаса"/.

Этими двумя моментами тем, что кроме последнего слова акцентуационная система языка выдвигала на светлое поле фонетического внимания, до известной степени, и первый слог многосложного слова, и с другой стороны тем, что в киргизское народное творчество могли непосредственно влияться монгольские /формально-поэтические традиции/, и можно, мне

1/ и в значении в широком смысле слова "Манаса".

кажется, пытаться дать раз'яснение тому, что в "Манасе" сочетаются /на правах канонизованных приемов/ и рифма, и аллитерация.

III.

"Какую ценность может представлять для современной науки "Манас" если изображенные в нем события заведомо ложны, т.е. выдуманы, - если он не представляет собою исторического источника?" такой вопрос задан мне был студентами киргизами Фрунзенского Учительского Института. Конечно, для ответа на этот вопрос достаточно было бы указать и на одно лишь историко-литературное /а не историческое! значение эпоса: однако, было бы слишком смелым вовсе отрицать за "Манасом" роль источника исторических сведений. Действительно, ни один из киргизских ханов не брал Цейна / /, и таким образом главнейший из походов "Манаса- "Великий Поход" / " , или "

казалось бы, не имеет под собою никакой фактической почвы. Так ли это? Ведь, если мы вспомним, что Пекин неоднократно был завоевываемым - пусть не "Манасом и не киргизами, а другими кочевными народами /т.е. тоже северными кочевниками/, в том числе и народом турецкоязычным, а затем ,наконец, монголами^{1/}, то для нас не только возможным, но даже и обязательным делается вопрос: а не могли ли эти самые события лечь в основу легенды о Манасовском завоевании столицы? не может ли под образом и именем киргиза Манаса скрываться, хотя бы тот же Чингиз? Гипотезы этого рода представляются мне невозможными именно потому, что в состав киргизского нац. коллектива, на протяжении столетий неоднократно вливались посторонние элементы как турецкоязычные /т.е. представители других турецких народностей, в том числе ,напр., осколки древних уйгур^{2/}, а кроме того и в особенности-монгольские,

осколки древних уйгур^{2/}, а кроме того и в особенности-монгольские, 1/о джурджульском, а с другой стороны, и самом последнем-маньчжурском завоевании я уже не упоминаю.

2/ Часть которых вошла, как я имею основания утверждать /между прочим /на основании этимологии китайского названия дунган и мусульман из турецкого племенного имени / в дунганский национальный коллектив, а прочие "осколки" были ассимилированы различными турецкоязычными нац. коллективами Ср. Азии /в том числе даже.

и наконец, прочие, т.е. не принадлежащие ни к монголам, ни к туркам. За допущениям иноязычных источников и проточников для сюжета "Манаса" образа главного его героя может последовать и вопрос о происхождении т.е. об этимологии, и самого слова /имени/ Манас. Конечно, к вопросу этому должны быть привлечены и географическое название Манас /город и река в Вост. Туркестане/, и второе загадочное киргизское слово - шапар /как содержащее, может быть, общий корень с именем Манас/; наконец, не могут быть оставляемы и "динальские" гипотезы покойного Грум-Гримальдо. В частности, возникает подозрение, нельзя ли в окончании /которое повторяется, между прочим, и в названии мест резиденции Манаса/ видеть отражение динальского и т.д. "царь, князь"? Все это относится, конечно, к груде переменных /и нелег разрешаемых/ вопросов, но во всяком случае, тот материал, который для этих вопросов накапливается, дает определенные указания на участие иноязычных элементов и в формировании самого образа, и в имени героя кирг. эпоса.

IV.

Литературы, посвященной "Манасу" почти не существовало - и это, конечно, естественно обяснялось отсутствием, более или менее полного издания текста эпоса / о венгерском издании я в настоящее время лишен возможности высказываться, а радловский вариант, конечно, нисколько не может идти в сравнение с тем, что дают советские записи текста. ~~-----~~ узбеками Хорезма имею здесь в виду предков современного населения кышлака Уйгур в Газаватском районе, в 18 км. от Хивы, говор которого был обследован мною во время Хорезмской экспедиции 1930 года.

Из работ занимавшегося "Манасом" турколога П.А. Фалева главнейшая осталась неизданной за смертью автора /воспользуюсь случаем назвать другую краткую его статью под заглавием "Как строится каракиргизская былина" в журнале: "Наука и просвещение, изд. НКПроса Турк. Республики № 1 /Ташкент 1922 г./". Таким образом первым серьезным-руководящего, или "Вводящего" характера исследованием является лишь в последние годы написанная работа тов. Ауэзова, в настоящее время уже сданная для печати в Киргосиздат литературный актив Киргизии с ней уже знаком, так как работа эта была зачитана на Конференции работников по переводу и изданию "Манаса"/. Конечно, исследованием тов. Ауэзова могло быть выполнено только благодаря наличию полного текста "Манаса"- в виде двух версий /сказителей Сагымбаева и Каралаева/, записанных тов. Мифтаховым и другими собирателями и ныне хранящихся в Научно-Исследовательском Институте Киргизского языка и Письменности.

На очереди стоит, конечно, печатное издание сводного текста "Манас" /из обеих вышеназванных версий/ на киргизском языке, а с другой стороны русский поэтический /стихотворный /перевод того же текста. На эту последнюю задачу правительство Киргизии бросило много средств, стремясь поставить дело это на должную высоту. К переводу привлечены лучшие из русских поэтических переводчиков тов. Пеньковский и Тарловский и другие и в настоящее время работа эта в самом разгаре. Правда, первые пробные опыты 5 московских переводчиков /образцом для этой пробы взят был Рассказ А.мамбета о своем происхождении/ выполнены были неудовлетворительно. Пришлось организовать целую "школу", т.е. развернуть инструктаж переводчиков "Манаса", командировав для этого в Москву лучшего из местных научных работников по языку и фольклору товарища Тыныстанова. Инструктаж этот несомненно принесет свои плоды, но до настоящего момента, все таки, мы так и не получили от московских переводчиков добросовестных и отвечающих хотя бы общему смыслу и духу киргизского текста переводов- таково общее мнение сотрудников Института. Обоим стоит перевод "Выбранных отрывков из "Манаса" профессора С.Поливанова, часть которого уже была напечатана в периодической печати

Этот перевод встречает очень одобрительный прием со стороны тех, кто не знаком с киргизским языком и лишен возможности сопоставить перевод с оригиналом. Но при подробном сличении Поливановского перевода с оригиналом устанавливается наличие некоторых отступлений от редактированного Комиссией киргизского текста: делов в том, что переводчик ставит своей задачей не точный показ того, что имеется в киргизском тексте, а создание русского стихотворного произведения, адекватного киргизскому оригиналу по своему воздействию на читателя. В связи с этим переводчик считает для себя позволительным делать такие же нарушения текста и дополнения к нему, какие в праве был делать любой из киргизских сказителей "Манаса" в отношении к тексту своего учителя. Поэтому, напр., там, где в Сагымбаевском тексте фигурирует сомнительный "носорог", Поливанов прибавляет к этому носорогу еще и "слона". Не говорю уже о том, что об этих "отрывках" переводчик позволяет себе комбинировать версии различных сказителей. В итоге получается, если и не столь отдаленный от подлинника русский текст, как это мы находим, напр., в "Жуковского /по сравнению с настоящим санскритским текстом: " Асид ражда Налд намо Вирасена суто бали "и т. д./, то во всяком случае — один, из "свободных" переводов, для которых исключительно научное филологическое значение /к тому же переводчик считает нужным придерживаться киргизских размеров подлинника только в некоторых своих отрывках" ^{1/}, считая "Манас" — это настолько обширным, что на протяжении его перевода смогут уместиться все виды и все способы формальной его передачи/.

^{1/} Дело в том, что язык "Манаса" несколько отличается от современного киргизского языка, и потому в нем иногда встречаются спорные, или "сомнительные" слова и фразы.

^{1/} Отдельное издание которых выйдет в 1937 году.

Было бы ошибкой упоминать о том, что организационная сторона работ по "Манасу" /и в частности по подготовке русского перевода/ была поставлена, в начале, далеко неправильно. Много средств израсходовано было впустую, вместо делового выполнения заданий была устроена бюрократическая канцелярия со штатом из 7 человек /при чем на долю двоих из них выпадало только получение рукописи от переводчика и вручение ее редактору/; благодаря лени и халатности секретаря этой "Комиссии" рукописи задерживались и литературные переводчики долгое время сидели без подстрочников, что одно время угрожало даже срывом всей работы. Наконец, имели место даже прямые злоупотребления, а попытка самокритики каралась исключением из числа официальных работников по "Манасу". Все это было, но все эти промахи скоро будут уже делом прошлого.

Было бы ошибкой упоминать о том, что организационная сторона работы по "Манасу" /и в частности по подготовке русского перевода/ была поставлена, в начале, далеко неправильно. Много средств израсходовано было впустую, вместо дельного выполнения заданий была устроена бюрократическая канцелярия со штатом из 7 человек /при чем на долю двоих из них выпадало только получение рукописи от переводчика и вручение ее редактору /; благодаря лени и халатности секретаря этой "Комиссии" рукописи задерживались и литературные переводчики долгое время сидели без подстрочников, что одно время угрожало даже срывом всей работы. Наконец, имели место даже прямые злоупотребления, а попытка самокритики наралась исключением из числа официальных работников по "Манасу". Все это было, но все эти промахи скоро будут уже делом прошлого.

экономически зависимые от эксплуататоров, без отказа выполняли требования заказчика. Поэтому нет ничего удивительного, если мы встречаем такие варианты эпоса "Манаса", в которых красной нитью пролодит идея пантюркизма и панисламизма, где воспеваются никогда не бывшее в истории могущество турков во главе с киргизами, и где исторические факты растолковываются против национальной политики Ленина-Сталина.

До нас дошли сравнительно старинные варианты эпоса "Манас". В этих старинных вариантах мы не встречаем идеализации пантюркизма, встречаем слабое влияние исламизма, которое, как идеологии торгового капитала, с трудом прививался к киргизскому народу; но зато обнаруживаем закономерные факты из истории классовой борьбы; безпрерывные межнациональные войны тягчайшим бременем лежали на плечах трудящихся, и жестоко-эксплуатируемые широкие слои народа отвечали периодическими восстаниями как против иноземных завоевателей, так и против "своих богатых".

Изменившийся экономический уклад, как мы сказали выше, сейчас же ставил перед сказителями требования, о пересмотре приемов эстетического воздействия своих произведений. Сказители после своей смерти оставляли своим приемникам в большинстве случаев лишь отдельные эпизоды в новой композиции и в новом стиле, не успевая пересмотреть все эпизоды своего по существу радиозного произведения. Таким образом, обем эпоса часто не позволял сказителю построить по единой композиции и в едином стиле всего произведения согласно требованиям своей слушательской среды. Поэтому, разные эпизоды эпоса "Манас" по своему внутреннему содержанию оставались любимыми эпизодами отдельных социальных групп в разной композиции и в разнообразных стилях, часто противоположных друг к другу.

Социально-экономическое положение сказителей сыграло огромнейшую роль в деле повышения качества их произведений. Сказители-профессионалы, вышедшие исключительно из эксплуатируемого класса, а потому экономически зависимые от Манапов-феодалов, превращались в придворных поэтов-актеров и, чтобы создать для себя лучшую репутацию, всегда работали над своими произведениями согласно требований своих хозяев. Публичные соревнования между сказителями, которые часто организовывались феодалами-манапами, чтобы показать свое величие, не мало способствовали повышению качества произведения, ибо поражение перед своим конкурентом для каждого сказителя означало лишение его кусна хлеба со стороны горделивого феодала: И не мало было случаев, когда самолюбивый феодал-Манап подвергал репрессиям своего сказителя, оказавшего побежденным в соревновании, за унижение чести хозяина. В таких социально-бытовых условиях оломился "Манас" как поэтическое произведение:

Эпос "Манас", передававшийся исключительно из уст одного профессионала в уста другого в течении многих столетий, а потому таящий в себе лучшие таланты профессиональных мастеров художественного слова не только одной эпохи, но и разных эпох, по своим поэтическим приемам представляет колоссальный интерес для мирового литературоведения.

После зверского разгрома царизмом восстания Киргизских трудящихся в 1916 г. и после голода и эпидемии ^{тифа} при временном правительстве, в результате чего Киргизское население уменьшилось на половину, дожили до нас лишь два-три человека из профессионалов-сказителей "Манаса".

Полная запись "Манаса" осуществилась только после установления советской власти в Киргизии, только после того как Киргизский трудовой народ, получив свободу и равноправие благодаря ленинско-Сталинской национальной политике, приступил к строительству

своей, по форме национальной, по содержанию социалистическом, культуры. К настоящему времени уже записан один вариант полностью у старого сказителя Сагынбая Орозбакова и завершается запись второго полного варианта: у молодого сказителя Саянбая Каралаева. Записаны и записываются отдельные в свое время у крупных сказителей- профессионалов.

Редакционная коллегия эпоса "Манас" еще в начале 1930 г. приступила к изданию дв. отданных эпизодов "Манаса" на русском и киргизском языках. Для русского издания избран из "Манаса" наиболее характерный и яркий его эпизод "Великий поход" /Поход на Китай/, обнимающий после предварительной редакции около пятидесяти тысяч стихов "Великий поход" уже прошел стадию подстрочного перевода и находится в руках русских поэтов.

Наиболее сложная работа стояла перед редакцией по русскому изданию "Манаса". Дело, что только через русский язык мы можем ознакомить народы советского союза и весь культурный мир с шедевром Киргизской литературы. По возможности точная передача на русском языке национального духа Киргизской поэзии, тем более такой, как "Манас", сложившейся на протяжении почти тысячелетия, а потому носящей на себе отпечатки многих исторических времен - вот в чем состояла ответственность русского издания. Поэтому для участия в работе русского издания приглашены лучшие фольклористы советского союза и лучшие русские поэты. Опыт годичной работы над художественным переводом "Манаса" на русский язык показал, что большинство товарищей из поэтов /например т. т. Л. Ильинский и М. Тарловский/ нашли удачный путь для наиболее правильной передачи "Манаса" на русском языке.

По намеченному плану Государственное издательство худ. литературы должно вынудить в свет "Великий поход" в 1937 г. Надеемся, что издательство познакомит советскую молодежь, призванную быть наследником культурного богатства прошлого, с этим древнейшим памятником киргизского народа в этом же году.

